

В.С. Савельев

ФУНКЦИИ ОБРАЩЕНИЙ В ПРЯМОЙ РЕЧИ ГЕРОЕВ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» (СТАТЬЯ 2)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье на материале прямой речи героев «Повести временных лет» анализируются особенности функционирования обращений, связанные с их препозитивным, интерпозитивным и постпозитивным употреблением. Описываются различные функции обращений: апеллятивно-вокативная, псевдоапеллятивно-вокативная, номинативная, характеризующая, фокусирующая, межличностная, сегментирующая (средство сегментации речи на просодическом, формально-синтаксическом и коммуникативном уровнях ее организации), иллокутивная, дискурсивная, жанрообразующая. Устанавливается, что древнерусскому обращению свойственна полифункциональность – возможность одновременного использования в разных функциях.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», функции языковых единиц, обращение.

Данная статья представляет собой продолжение начатого в [Савельев, 2018] исследования особенностей функционирования обращений в прямой речи героев «Повести временных лет» (далее – ПВЛ).

V. Использование обращений в инициальных и реактивных репликах тесно связано с тем, в каких именно сегментах диалогических фрагментов они обнаруживаются.

И в том и в другом случае подавляющее большинство обращений используется в коммуникативных эпизодах (далее – КЭ)¹, являющихся первыми в диалогических фрагментах (83% обращений инициальных реплик, 80% обращений реактивных реплик). Все остальные характеристики существенно различаются.

В реактивных репликах в 95% случаев обращения обнаруживаются в препозиции, интерпозиции или постпозиции по отношению к первому речевому шагу². В инициальных же репликах обращения, так или иначе связанные с первым речевым шагом, используются реже – в 69% случаев. При этом частотность употребления обращений в препозиции,

¹ Определения терминов **диалогический фрагмент**, **коммуникативное событие**, **коммуникативный эпизод**, **речевой ход**, **речевой шаг** см. в [Савельев, 2018].

² Только в одном случае – во фрагменте (32.2.2) – обращение используется **не** в первом речевом шаге; при этом этот седьмой по счету речевой шаг соотносится с первым, также включающим обращение речевым шагом.

интерпозиции и постпозиции также сильно различаются в зависимости от типа реплики (инициальные vs. реактивные) и типа речевого шага, к которому «тяготеет» обращение (первый в составе реплики vs. не первый в составе реплики). Однако, прежде чем перейти к описанию этих особенностей, необходимо перечислить принципы, которыми мы руководствовались, определяя тот или иной тип местоположения обращения:

а) препозитивным является употребление обращения в абсолютном начале реплики;

б) интерпозитивным является употребление в предикативной единице (далее – ПЕ), если это не позиция первого или последнего слова;

в) постпозитивным является употребление обращения в абсолютном конце реплики.

Проблематичным является определение типа местоположения обращения, находящегося между ПЕ, входящими в состав реплики. Анализ материала привел к следующим выводам:

г) интерпозитивным следует считать такое употребление обращения, когда соседствующие ПЕ образуют неделимую синтаксическую структуру, в которой вторая ПЕ описывает пропозицию, включенную в пропозицию, называемую первой ПЕ (чаще всего при этом в начале второй ПЕ используется подчинительный союз) (см., например, 27.3, 31.2, 34.1³);

д) интерпозитивным следует считать такое употребление обращения, когда соседствующие ПЕ образуют синтаксическую структуру, в которой вторая ПЕ может быть опущена, при этом она поясняет значение первой, а обращение, относясь в равной мере к субъектной перспективе каждой ПЕ, служит средством актуального членения (чаще всего союзные средства при этом не употребляются) (см., например, 18.1);

е) постпозитивным следует считать такое употребление обращения, когда его функциональная нагрузка связывает его употребление именно с первой ПЕ, при этом оно называет участника пропозиции, оформляемой первой ПЕ, и не имеет отношения к субъектной перспективе второй ПЕ, или в субъектной перспективе второй ПЕ роль участника, называемого обращением, существенно меняется, или адресат, называемый обращением, не является участником ни одной из пропозиций.

Например, в (39) **И несоша козарѣ къ кнѣзю своему и къ старѣшинамъ своимъ и рѣша имъ: (1) «Се налѣзохомъ дань нову». <...> Уни же ркоша: (2) «Что сѣтъ вдалѣ?» (3) Уни же показаша мечь. И рѣша старцѣ козарстни: (4) «(4.1) Не добра дань, кнѣже! (4.2) Мы донскахомся врѣжемъ ѡдинога страны <...>»** обращение «кнѣже!» маркирует переход к новому КЭ, при этом меняется состав коммуникантов (ранее князь являлся адресатом вместе

³ В статье продолжается нумерация примеров, начатая в [Савельев, 2018]; в ряде случаев даются ссылки на примеры в статье [Савельев, 2018].

со старцами, теперь же он адресат сообщения самих старцев)⁴. В (17) «**Кровь брата моего вопиеть къ тебѣ, Влако! Мьсти ѿ крови правѣднаго сего <...>**»⁵ употребление обращения также оценивается как постпозитивное, поскольку: а) произнесение обращения, называющего духовно воспринимаемый адресат, именно в первом речевом шаге реплики является нормой, б) использование обращения после местоимения 2 лица также нормативно, в) адресат обращения в первой ПЕ является объектом, а во второй – субъектом действия.

Единственным случаем, когда положение обращения не удастся установить однозначно, является следующий фрагмент:

(40) **Глѣбъ <...> нача молитисѧ со слезами, гл҃а: «<...> (3) Аще бо быхъ, братѣ, видилъ лице твое анг҃коє, оумерлъ быхъ с тобою. (4) Нынѣ же что ради востахъ азъ единъ? (5) Кде сѹть словеса твоя, таже гл҃аше ко мнѣ, братѣ мои любимыи? (6) Нынѣ оуже не оуслышу тихаго твоего наказаниѧ <...> // (5) Кде сѹть словеса твоя, таже гл҃аше ко мнѣ? (6) Братѣ мои любимыи, нынѣ оуже не оуслышу тихаго твоего наказаниѧ <...>» (6523 / 1015) – обращение «**братѣ мои любимыи**» может быть в равной степени отнесено как к предшествующей, так и последующей ПЕ⁶.**

VI. Подсчет случаев использования обращения в препозиции / интерпозиции / постпозиции принес следующие результаты⁷:

Таблица 8

	Инициальная реплика 1-ый речевой шаг	Инициальная реплика Не 1-ый речевой шаг	Реактивная реплика 1-ый речевой шаг
Препозиция	52%	14%	40%
Интерпозиция	35%	68%	50%
Постпозиция	13%	18%	10%

Использование обращений в различных позициях напрямую связано с тем, в каких функциях они употребляются:

VII. Препозитивные обращения

1. Как мы видим, преимущественно **препозитивное местоположение** обращения характерно для первых речевых шагов инициальных реплик, и это вполне естественно: именно в таких условиях реализуется первичная функция обращения – **апеллятивно-**

⁴ Характерно, что реплика (4) может быть редуцирована до (4.1): иллокутивная функция реплики в целом сводится к иллокутивной функции именно этого высказывания.

⁵ Здесь и далее при обращении к фрагментам, рассмотренным выше, указывается их прежний номер, при этом приводится только та часть текста, которая является материалом исследования в данный момент.

⁶ В дальнейшем этот пример не будет учитываться нами при подсчетах частотности употребления обращения в разных позициях.

⁷ Использование обращения в не 1-ом речевом шаге реактивной реплики обнаруживается только в (32.2.2) (см. сноску 2) и не может считаться репрезентативным, а потому не учитывается в таблице.

вокативная⁸ (см., например, реплику 27.1). По той же причине достаточно часто в препозиции используются обращения в реактивных репликах: в 27.2, 28.3, 32.2.1⁹ обращения находятся в препозитивной части высказываний, произнесение которых позволяет говорящим перейти к новому КЭ; именно для этого они и произносят реплики, которые *выглядят как инициальные* – «имитируют» начало диалога (**псевдоапеллятивно-вокативная функция**).

В наиболее «чистом» виде апеллятивно-вокативная функция препозитивного обращения реализуется в тех случаях, когда в последующих речевых шагах адресат в качестве участника пропозиций не упоминается, сама же реплика при этом является инициальной¹⁰ (например, 13а, 28.3 и (41) **И приде єдинъ мужь старъ к нему и рече ему: «Кнаже! Есть оу мене єдинъ снъ дома меншии, а съ четырьми єсмь вышелъ, а внъ дома <...>»** (6501 / 993). Встречаются также реплики, в которых не персонализована первая по отношению к обращению ПЕ, однако адресат упоминается в последующей части (например, 25, 26.1 и (42) **Єдинъ же поваръ тако же бѣ именовъ Исакии и рече, посмихася: «Исакъи¹¹! Уно сѣдитъ вранъ черъныи, иди, ими єго!»** (6582 / 1074).

Наиболее интересное соотношение между обращением и структурой последующего речевого шага обнаруживается в (22а) и (43).

Реплика князя Ярослава (22а) **«О любимая дружино, юже извихъ вчера, а нынѣ быша надобѣ...»** состоит из обращения и конструкции, которая является придаточным определительным по отношению к этому обращению. Таким образом, формально не входя в структуру высказывания **«юже извихъ вчера...»**, обращение называет объект действия **извихъ**, будучи замещенным анафорическим местоимением **юже**.

(43) **И рѣша братья къ Антонию: «Уче! Братья оумножаются, а хотѣлѣ выхомъ поставити монастырь»** (6559 / 1051) – на первый взгляд, черноризцы просто рассказывают Антонию Печерскому о жизни в монастыре, однако в действительности они обращаются к своему духовному наставнику за благословением, и святой слышит произнесенную ими просьбу, отвечая им: **«Благъвнъ Бѣ ѡ всемъ, и мѣтвѣми стѣпа Бѣа и сущихъ ѡцѣ, иже въ Сѣѣи Горѣ, да бѣдетъ с вами»**.

⁸ Ср. с [Формановская, 2002: 90].

⁹ А также в ряде других, не приводимых в качестве примеров в данной статье диалогических фрагментах ПВЛ.

¹⁰ В большинстве случаев (27 из 37 – 73%) препозитивное обращение называет адресата, являющегося участником пропозиции, описываемой в первой же по отношению к обращению ПЕ.

¹¹ А.А. Шахматов указывает: «Конечно, и переделано из ю» [Полное собрание русских летописей, 1908: 187].

Во многом препозитивное употребление обращений в апеллятивно-вокативной функции определяется **фактором адресата**: в 15 из 24 случаев обращения к духовно воспринимаемому адресату говорящий употребляет препозитивное обращение (63% – см., например, 13а, 13б, 13в, 14, 15); если же адресат является сенсорно воспринимаемым, это происходит намного реже – в 22 случаях из 71 (31% – см., например, 27.1, 27.2, 28.3).

Значительное количество случаев обращения к духовно воспринимаемому адресату связано с использованием цитат (6 из 15 случаев). В большинстве фрагментов обнаруживаются обращения, тождественные используемым в цитируемых текстах (например, 13а1, 13а2, 13а3.2), однако в двух случаях – (35.2), рассмотренном выше, и (44) – происходит трансформация:

(44) **Володимиръ же видивъ црѣвь свѣршену, и вшедъ в ню помолиса Бѣ, гл҃а: «Г҃и Бѣ! Призри сѣбеси и виждь, посѣти виногра^а свое^ѣ и свѣрши, таже насади десница твоя» <...>» (6504 / 996) – в источнике цитаты обнаруживается «**Бже силъ**», замещаемое на «**Г҃и Бѣ**»¹².**

Обратим также внимание на еще одну черту, свойственную препозитивным обращениям к духовно воспринимаемым адресатам: только в них обнаруживается употребление междометия «О!» – (14) «**Ѡ прѣтага Бѣе!**», (15) «**Ѡ крѣте чѣтныи!**» и (22а) «**Ѡ любимага дружино!**».

2. В случае обращения к сенсорно воспринимаемому адресату в ряде случаев на первый план выходит функция **установления межличностных отношений**. Особенно показательны в этом отношении реактивные реплики. Например, в (27.1) князь Святополк, отвечая на предложение князя Владимира «**Брате! Ты еси старѣи, почни гл҃ати, како выхъ^а промыслили ѡ Р҃усьской земли**», произносит слова «**Брате, ты почни!**», подчеркивая равенство братьев в обсуждении судеб Руси. В (32.2.1) князь Изяслав утешает князя Всеволода, свидетельствуя тому свое братское сочувствие «**Брате, не тужи!**».

Свойственна данная функция и употреблению обращений в инициальных репликах. Так, в (25) Антоний Печерский просит князя Изяслава выделить землю для строительства

¹² Источник цитаты указан в [Шахматов, 1940: 40].

Источник: Пс. LXXIX, 15, 16.

Елизаветинская Библия

ѣ. **Бже силъ, ѡбрати се оубо, и призри се себеси и виждь, и посѣти виноградъ сей:**

ѣ. и **говориши ѣ, ебоже насади десница твоя, и на сына человеческого, ебоже оукрепила еси себѣ.**

Синайская псалтирь (цит. по [Северьянов, 1922: 108])

ѣ. **Бже силъ обрати · ꙗ призри съ небеси ꙗ виждь · ꙗ посѣти винограда своего ·**

ꙗ ꙗ **сверши иже насади десница твоя · ꙗ на сына ебоже оукрепила еси себѣ ·**

монастыря, обращаясь к нему «**Княже мои!**» – именование, подчеркивающее теплое отношение будущего святого к князю, создает особую тональность их диалога.

3. В ряде случаев употребление препозитивного обращения к сенсорно воспринимаемому адресату позволяет реализовать функцию **усиления фокуса внимания** – в начальной части очередной реплики говорящий называет собеседника, с которым и так уже разговаривает, обращая его внимание на то, что сейчас будет сказано что-то особо важное. Чаще всего происходит это, когда говорящий меняет направление диалога, переходя к новому КЭ¹³. Так, в (26.2) бесы, ранее уже говорившие с Исакием, возобновляют свою речь словами «**Исакъе! То ти Хъ. Падъ, поклониса емѹ!**» – от информативного сообщения (26.1) они переходят к прескрипции. Князь Святополк, убежденный речами князя Владимира, произносит (28.3) «**Брате, се азъ готовъ оуже**», обращением знаменуя переход к прескриптивной части диалога.

В некоторых репликах препозитивное обращение позволяет говорящему и подчеркнуть важность произносимого, и выразить особое отношение к собеседнику; именно так, на наш взгляд, следует оценить произнесение обращения «**Брате Дѣмыане!**» в начале ответной реплики Феодосия Печерского в (34) и его же слова в следующем фрагменте:

(45) **Внъ же повелѣ братю собрати всю. Братъга же оудариша в било, и собравшесѧ вси. Внъ же рече имъ: «Братъе моя, и шци мои, и чада моя! Се азъ ѿхожю ѿ васъ <...>»** (6582 / 1074) – святой сообщает о своей будущей скорой кончине и о необходимости избрать нового игумена, которого он должен благословить; это во всех отношениях знаменательная реплика, и она должна быть особым образом выделена, в частности за счет полноты описания адресата, поскольку произносимые слова касаются каждого из стоящих перед говорящим.

VIII. Интерпозитивные обращения

1. В случаях **интерпозитивного употребления** на первый план выступают функции, не свойственные препозитивным обращениям, и главной из них, на наш взгляд, является **сегментирующая функция**: обращение является важнейшим средством сегментации диалога, указывая границы между различными коммуникативными и формально-синтаксическими единицами.

В **реактивных репликах** интерпозитивное обращение используется для сегментации речевого потока в следующих случаях:

¹³ Однако возможно усиление фокуса внимания и в тех случаях, когда направление диалога не меняется (см., например, 34).

А. Употребляемые в препозиции и интерпозиции обращения указывают на переход к новому КЭ (см. 27.2, 27.5, 28.3, 28.4, 30.2, 31.2, 32.2.1) или новому речевому ходу в пределах той же реплики (см. 32.2.2).

Б. При этом используемые в интерпозиции обращения служат одновременно средством актуального членения, указывая границу между:

а) темой и ремой: (28) (3) «Братѣ, се азъ готовъ оуже (P₁)» > (4) «То ти (T₂ = P₁), братѣ, велико добро створиши Рүсьскои зѣмли (P₂)»,

б) ремой и темой (высказывание с препозицией ремы): (29) (1) «Встани на сѣтѣокъ (P₁)» > (2) «Не могу (P₂), братѣ, встати (T₂ = P₁)»,

в) ремой и ремой (без изменения исходного актуального членения): (31) (1) «<...> Да что оума придасте? Что ѡвѣщаете?» > (2) «Вѣси (P₁), кнѧже, тако своего никтожѣ не хулить, но хвалить (P₂) <...>»,

г) ремой и ремой (высказывания с суперпозицией ремы – использование обращения меняет исходное актуальное членение): (27) (3) «<...> То ѡ сѣмь чѣмү не мыслите?» > (5) «Се азъ (P₁), братѣ, готовъ есмь с тобою (P₂)», (32) (2) «(2.1) Братѣ, не тужи (P₁)! Видиши бо, колко см мнѣ склѹчи зла? (P₂) <...> (2.2) И нынѣ (P₃ ~ P₂), браѣ, не туживѣ (P₄ ~ P₁)! <...>».

В высказываниях 27.5 и 32.2.2 говорящий актуализирует их части; без использования обращений эти конструкции воспринимались бы как высказывание с темой и ремой (32.2.2) или как единое нерасчлененное высказывание (27.5). Наиболее наглядным примером в этом плане является (27.5): в тождественном ему по содержанию (28.3) «Братѣ, се азъ готовъ оуже» обращение используется в препозиции и служит исключительно для обозначения перехода к новому КЭ.

Наиболее интересной представляется коммуникативная организация фрагмента (30): (1) «Что что раѣ (P₁) сниде Бѣ на зѣмлю и страсть такү припатъ (T₁)?» > (2) «Аще хоцещи (P_{2.1}), кнѧже, послүшати из начала (P_{2.2}), что радї сниде Бѣ на зѣмлю (T₂ = P₁ + T₁)?».

Производя членение нерасчлененного высказывания «Аще хоцещи послүшати из начала» говорящий акцентирует внимание собеседника и на возможности выбора степени подробности последующего рассказа (Аще хоцещи...), и на том, какую именно информацию он получит, если согласится на пространный рассказ (...послүшати из начала).

В. Обращение, выступая в качестве рематизатора, может в то же время указывать границу между предикативными единицами и синтагмами и/или синтаксическими формами разного типа, занимающими определенные позиции в предикативной единице; обращения обнаруживаются между:

а) предикативными единицами, как это происходит в (31.2) и (46.2):

(46) **И поча думати и начаша глти дружина Стѣполча:** (1) «**Не верема веснѣ воевати: хочемь погубити смерды и ролью имъ**». **И рче Володимеръ:** (2) «**Дивно ма, дружино, вже лошади кто жалуеть, еуже шреть кто <...>**» (6611 / 1103),

б) синтаксическими формами, называющими субъект пропозиции, и синтагмами, включающими сказуемое в качестве главного компонента, как это происходит в (27.5), (28.4) и (47.2):

(47) **Нлоу҃триа же Стѣполкѣ созва богаре и кн҃гане и повѣда имъ, еже вѣ ему повѣдалъ Дѣдъ, тако:** (1) «**Брата ти оубилъ и на тѣ свѣщаль с Володимеромъ, хочеть тѣ оубити и градъ твои запати**». **И рекоша богаре и людье:** (2) «**Товѣ, кн҃аже, головы своеѣ достоитъ блюсти <...>**» (6605 / 1097),

в) обстоятельством и сказуемым, как это происходит в (32.2.2).

В **инициальных репликах** интерпозитивное обращение служит средством сегментации в еще большем количестве случаев:

А. Обращение указывает на переход от одного КЭ к другому (в рассматриваемом примере – от информативного к прескриптивному):

(48) **Оу едину ноць присла по ма князь Дѣдъ. И придохъ к нему, и сѣдаху дружина школо его, и посади ма и рече ми:** «(1) **Се молвилъ Василко сыночи ко Вланови и къ Колчи, реклъ тако Василко: «Се слышу, вже идетъ Володимеръ и Стѣполкѣ на Дѣда. Да же бы мене Дѣдъ послушалъ, да выхъ послалъ мужа своего к Володимеру: «Воротиса!» Вѣде бо са с нимъ что молвивъ, не поидеть**». (2) **Да се, Василю, шлю тѣ: ѣди к Василкови со сима штрокома, и молви ему тако: «Вже хочещи послати мужа своего, и воротитса Володимеръ, то вдам ти которыи любо городъ: любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль**». **Азъ же идохъ к Василкови и повѣдахъ ему всю рѣчь Дѣдву** (6605 / 1097).

В начальной части реплики (48.1) князь Давыд информирует собеседника – попа Василия – о произошедших ранее событиях; использование обращения в (48.2) позволяет обратить внимание адресата на то, что говорящий переходит к изложению распоряжения.

Б. Обращение маркирует переход от одного речевого хода к другому. Так, в (27.3) «(3.1) **Како га хочю молвити, а на ма хотать молвити твоя дружина и мога, рекуще: "Хощеть погубити смерды и ролью смердомъ!"** (3.2) **Но се дивно ма, брате, вже смердовъ жалуете и ихъ конни** <...>» обращение используется в середине пространной реплики и делит ее на два речевых хода: (27.3.1) является репродуктивным – говорящий вкратце пересказывает точку зрения своих оппонентов, не преминув иронично «признать» невозможность оспаривания этой точки зрения, но произнесением экспликатива (27.3.2) опровергает их, смоделировав ситуацию, которая может возникнуть, если предложение оппонентов будет принято, и тем самым приводит убедительный аргумент в свою пользу.

В. Обращение показывает границу между речевыми шагами:

(18.1) **Василко же, всѣдъ на конь, поѣха ѿ вѣсрѣте и штрокъ его и повѣда емѹ, глѣ:** «(1) **Не ходи, княже, (2) хотать тѣ гати!**» (6605 / 1097).

Речевой шаг (18.1.1) представляет собой прескриптивное высказывание, (18.1.2) – информативное. Основным речевым шагом является (18.1.1): речевой ход (18.1) может быть редуцирован до (18.1.1); соотнесение (18.1.2) с (18.1.1) позволяет понять, что (18.1.2) произносится для того, чтобы объяснить необходимость совершения (18.1.1), назвав опасность, грозящую адресату.

Г. Обращение служит средством актуального членения, разделяя высказывание на следующие части:

а) тема и рема: (49) **Глаго* во Волга часто глше:** «(1) **Азъ (Т₁), снѹ, Ба познах и раюса (Р₁).** (2) **Аще и ты познаеши Ба, то радовати^с начнеши**» (6463 / 955),

б) рема и тема (верификативный вопрос): (33.1) «**Добрѣ (Р₁), гостѹе, приидоша (Т₁)?»**»

в) рема и тема (высказывание с препозицией ремы): (23) **И послашасѣ паки кнгане к Володимерѹ, глуще:** «**Поиди (Р₁), княже, Киевѹ (Т₁) <...>**», (29.8) «**Атъ идѹ по нь (Р₁), а ты тѹ (Р₂), брате, посѣди (Т₂ = Р₁)**», (34.1) «**Не забываи (Р₁), игүмене, еже ми еси ночесь ш бѣщаль (Т₁)**»,

г) рема и рема (без изменения исходного актуального членения): (21) «**Се оуже прельстилъ ма еси (Р₁), дыаволе, сѣдѣща на единомъ мѣстѣ (Р₂) <...>**», (18.1) «**Не ходи (Р₁), княже, хотать тѣ гати (Р₂)!**», (27.3.2) «<...> **Но се дивно ма (Р₁), брате, вже смердовъ жалуете и ихъ конни, а сего не помышляюще <...> (Р₂)**»,

д) рема и рема (высказывания с суперпозицией ремы): (24) «**Не ходи** (P₁), **вратѣ**, и не **вслѹшансѣ** брата старѣишаго (P₂) <...>», (50) **И створивше вѣче** на торговищи, и рѣша, **пославшесѣ** ко князю: «**Се** половци **росоулисѣ** по земли (P₁). **Да** вдан (P_{2.1}), **кнѣже**, **врѹжыа** и **кони** (P_{2.2}), и **еще** **бьемсѣ** с ними (P₃)» (6576 / 1068).

Д. Осуществляя актуальное членение, говорящий при помощи обращения указывает границу между следующими синтагмами:

а) предикативными единицами, как это происходит в (24), (18.1), (27.3.2), (34.1) и (51):

(51) **Совокуплени же** братъи, **рече** имъ **Антонии**: «(1) **Се** **Бѣ** **васъ** **сѣвокупѣ**, **вратѣ**, (2) **Ѡ** **благѣниа** **есте** **Сѣ** **Гыа** **Горы** <...>» (6559 / 1051).

Показателен также пример (34.1): в «(1) **Не** **забыван**, **нигүмене**, (2) **еже** **ми** **еси** **ночесь** **в** **бѣщаль**» предикативная единица (34.1.2) заполняет объектную валентность, обязательную для предиката в (34.1.1),

б) предикативной единицей и полупредикативной синтагмой: (21) «(1) **Се** **оуже** **прельстѣ** **ма** **еси**, **дыволе**, (2) **сѣдаща** **на** **единомъ** **мѣстѣ** <...>»,

Следует обратить внимание на то, что монопредикативная конструкция (21) является полипропозитивной: непредикативная синтагма (21.2) называет ситуацию, которая осмысливается как связанная с событием, описанным в (21.1),

г) предикативной единицей и дополнением: (52) **И** **крѣщнѹ** **же** **Володимерѹ** **в** **Корсѹни**, **предаша** **емѹ** **вѣрѹ** **крѣтъганьскѹю**, **рекѹще** **сице**: «(1) **Да** **не** **прельстѣ** **тебе** **нѣции** **Ѡ** **еретикъ** <...> **Пращяють** **же** **грѣхы** **на** **дарѹ**, **еже** **естъ** **злѣе** **всею**. (2.1) **Бѣ** **да** **хранить** **тѣ**, **кнѣже**, (2.2) **Ѡ** **сею**» (6496 / 988).

При этом обращение делит высказывание на препозитивную рему (52.2.1) и тему (52.2.1), выраженную анафорическим местоимением,

д) синтаксическими формами, называющими субъект пропозиции, и синтагмами, включающими сказуемое в качестве главного компонента: (49.1) «(1) **Азъ**, **снѹ**, (2) **Бѣ** **познах** **и** **рачюсѣ**», (53) **И** **послаша** **киганѣ** **къ** **Сѣ** **ославу**, **глюще**: «(1) **Ты**, **кнѣже**, (2) **чюжен** **земли** **ищ** **ешь** **и** **блюдешь**, **а** **своеѣ** **сѣ** **лишивъ** <...>» (6476 / 968),

е) сказуемым и дополнением (различные объектные значения): (50) «<...> (1) **Да** **вдан**, **кнѣже**, (2) **врѹжыа** **и** **кони**, **и** **еще** **бьемсѣ** **с** **ними**», (54) **Послаша** **Оүсеволожюю** **и** **митрополита**

Николу къ Володимеру, глѣца: «(1) Молимса, кнаже, (2) товѣ и братома твоима <...>» (6605 / 1097),

ж) сказуемым и обстоятельством (различные значения), как это происходит в (23), (33.1),

з) сказуемым и именной группой (форма, называющая субъект, и обстоятельство): (29.8)

«(1) Ать иду по нь, (2.1) а ты тѣ, brate, (2.2) постѣди», (55) Ркоша дружина Игоревн: «<...>

(1) И понди, кнаже, (2) с нами в дань, да и ты доведешь, и мы» (6453 / 945).

2. Этим, однако, список функций обращений в **интерпозиции** не ограничивается: их использование теснейшим образом связано с **субъектной перспективой высказывания**.

Обнаруживаются следующие закономерности:

А. В большинстве случаев обращение используется в персонализированном высказывании: собеседник является участником события, описываемого пропозицией, выражаемой данным высказыванием. Только в 4 случаях из 45 (9%) собеседник не упоминается в качестве участника ситуации, при этом каждый из этих случаев примечателен:

а) в высказывании князя Василько (29.2) «Не могу, brate, встати» не выражена обязательная локативная валентность: импликатура «у тебя» выводится на основе анализа ситуации в целом,

б) реплика новгородцев (36.2) «Аще, кнаже, братыа наша исѣченѣ сѣть, можемь по товѣ бороти» соединяет две предикативные единицы, и во второй из них собеседник упоминается; так же устроена и реплика княгини Ольги (49),

в) в высказывании князя Владимира (46.2) «Дивно ма, дружино, уже лошади кто жалуеть, еюже вреть кто <...>» упоминается некое лицо – «кто жалуеть», в котором без труда угадывается собеседник князя, только что пожалевший смердов и их пахоту (см. 46.1); князь не называет его напрямую, но намекает на него, «смягчая» обличение неправоты оппонента, что можно считать особой рече-поведенческой тактикой (далее – РПТ) в диалого-дискуссии.

Таким образом, «невовлеченность» собеседника в ситуацию в (29.2), (36.2), (46.2) и (49) оказывается мнимой.

Б. В большинстве случаев обращению предшествует словоформа, обозначающая – грамматически или лексически – собеседника: императив 2 лица (11 случаев – см., например, 23, 24, 18.1, 34.1, 50, 55), индикатив 2 лица (формы настоящего и будущего времени, а также перфекта; 5 случаев – см., например, 21, 30.2, 31.2), местоимения ТЫ (7 случаев – см., например, 28.4, 47.2, 52, 53), ВЫ (1 случай: (56) Гдрославь <...> наради сны свога, реки имъ: «(1) Се азъ ѿхожю свѣта сего, (2) а вы, снѣвѣ мон, имѣите межн совою любовь <...>»

(6562 / 1054), ТВОЙ (1 случай: (57) **Вна же <...> гл̑аше: «Мл̑твами твоими, вл̑ко, да съхранена буду ѿ с̑ѣти неприаженны»** (6463 / 955)¹⁴.

Также обнаруживается употребление обращений, помещаемых за формами 1 лица мн. числа, которые называют не только говорящего, но и его собеседника: индикатив 1 лица (1 случай: (60) **И р̑е Свенгелдъ и Асмудъ: (1) «<...> Потягнемъ, дружино, по князи!»** (6454 / 946), местоимение МЫ (1 случай: (61) **Вълодимеръ <...> т̑у авьє посла ко Давыду и к Ольгови Сват̑славичема, гл̑а: «<...> Да поправимъ сего зла, еже с̑а сотвори оу Русьскон земли и в насъ, брат̑и, вже оуверже в ны ножь <...>»** (6605 / 1097).

Таким образом, интерпозитивное употребление обращений часто связано с конструкциями, в которых обращению предшествует словоформа, называющая собеседника (27 случаев из 45 – 60%). Безусловно, речь идет не об обязательности употребления обращения в таких высказываниях¹⁵, но об определенной тенденции: если говорящий решает употребить интерпозитивное обращение, делает он это при произнесении персонализованного высказывания, чаще всего помещая обращение непосредственно за словоформой, называющей собеседника, поскольку в этом случае обращение позволяет ему уточнить субъектную перспективу высказывания.

Необходимо также обратить внимание на то, что в предикативных единицах, в которых обращение следует непосредственно за императивом или индикативом 2 лица, личное местоимение 2 лица не используется (16 случаев). В то же время, если обращению предшествует личное местоимение 2 лица, в предикативной единице могут также быть употреблены формы императива или индикатива 2 лица (4 случая из 6: см., например, 28.4, 53, 56). Такое положение дел объясняется необходимостью осуществления актуального членения, при котором формы, называющие субъект действия и само действие, оказываются в разных частях высказывания – теме и реме или двух разных ремах (3 случая из 4). Если же

¹⁴ Обнаруживаются также случаи, когда те же словоформы предшествуют обращениям, но при этом их разделяет какой-либо член предложения: императив 2 лица (2 случая: (58) **Володимѣръ же радъ вывъ, тако позна Б̑а самъ и людие его, и возр̑ѣвъ на н̑бо и рече: «(1) Б̑е великын, створивый н̑бо и землю! (2) Призри на новыа люди своя, вдан же имъ, Г̑и, оуѣв̑днѣти тебе, истеньнаго Б̑а <...>»** (6496 / 988), (59) **Г̑рославъ <...> нарекъ Б̑га, рекъ: «<...> Но суди ми, Г̑и, по правд̑ѣ, да скончается̑а злоба гр̑ѣшнаго»** (6523 / 1015), местоимения ТЫ (1 случай – см. 29.8), ВЫ (1 случай – см. 51).

¹⁵ Так, в ПВЛ встречаются конструкции с формами императива и индикатива 2 лица без обращений, при этом среди них встречаются как высказывания с местоимениями 2 лица: (62) **Г̑рославъ рекъ Из̑славу: «Аще кто хощеть увидѣти своего брата, но ты помогаи, егоже увидѣть»** (6562 / 1054), **Вни же рекоша ем̑: «Ты еси вѣцъ на мѧ вс̑ѣмъ»** (6582 / 1074), так и без них (63) **И посла Г̑рославъ къ Гл̑ѣву, гл̑а: «Не ходи! Вѣцъ ти оумрлѧ, а брат̑ъ ти оувѣтъ ѿ С̑т̑опол̑ка»** (6523 / 1015), **И р̑е Володимеръ: «<...> То лошади его жалѣешь, а самого чѣмѣ не жалѣешь?»** (6611 / 1103).

они потенциально могут быть помещены в одну и ту же тему или рему, местоимение опускается: значение лица выражается глагольной формой¹⁶.

3. Безусловно, говоря о местоположении обращения, нельзя обойти стороной вопрос об особенностях **просодической структуры** высказываний с интерпозитивными обращениями.

А. Как показал анализ, в большинстве случаев (36 высказываний из 45 – 80%) обращение обнаруживается после речевого отрезка, образующего **одну тактовую группу**. Чаще всего она равна одной словоформе (15 случаев – см., например, 31.2, 47.2, 49.1, 53, 54, 60), но может представлять собой сочетание, включающее проклитики и / или энклитики:

а) проклитика + полноударная словоформа (используются проклитики И – см. 55, ДА – см. 50, А – см. 56, НЕ – см. 24, 18.1, 34.1, СЕ – см. 27.5, ТО – см. 28.4),

б) полупроклитика + полноударная словоформа (30.2) «Аще хощеши, княже, послушати из начала, что радї сниде Бѣ на землю?»),

в) проклитика + полупроклитика + полноударная словоформа (29.8) «Ать идѹ по нь, а ты тѹ, брате, посѣди»),

г) полноударная словоформа + одна энклитика (46.2) «Дивно мѧ, дружино, вже лошади кто жалѹеть, еюже шреть кто <...>¹⁷ // несколько энклитик (58.2) «<...> Призри на новыя люди своя, вдан же имѣ, Г҃и, оувѣдити тебе, истеньнаго Ба <...>»; (64) Гл҃ѣвъ <...> нача молитисѧ со слезами, гл҃ѧ: <...> Аще бо быхѣ, брате, видилѣ лице твое анг҃ское, оумерлѣ быхѣ с тобою» (6523 / 1015)¹⁸,

д) проклитика + полноударная словоформа + энклитика (59) «<...> Но сѹди ми, Г҃и, по правдѣ <...>»,

е) две проклитики + полноударная словоформа + энклитика (65) (Борисѣ) помолисѧ, зра на иконѹ, гл҃ѧ на шбразѣ вл҃чнь: <...> (1) Се же не ѿ противныхѣ принимаю, но ѿ брата сво его, (2) и не створи емѹ, Г҃и, в семь грѣха» (6523 / 1015)¹⁹,

ж) проклитико-энклитический комплекс + полноударная словоформа (66) (Изаславѣ) ѹтѣши и рекѣ емѹ: <...> Елма же ты, брате мои, показа ко мнѣ любовь <...>» (6586 / 1078).

¹⁶ Единственное исключение – фрагмент (69), который будет рассмотрен отдельно.

¹⁷ Характерно, что в Хлебниковском и Радзивилловском списках вместо **мѧ** обнаруживается **ми** (в Лаврентьевском – **имѧ**).

¹⁸ О возможности использования ИМѢ и БЫХѢ в качестве энклитик см. [Зализняк, 2008: 34, 168].

¹⁹ О возможности использования ЕМУ в качестве энклитики см. [Зализняк, 2008: 168].

Б. Значительно реже (9 высказываний из 45) в речевом отрезке, предшествующем обращению, обнаруживается несколько тактовых групп; при этом в 8 случаях обращение следует за предикативной единицей, отделяя ее от:

а) другой предикативной единицы – формально независимой, но поясняющей содержание предшествующей (см. 51) или занимающей позицию актантной группы (см. 27.3, 61 и (67) **И послашасѧ паки кнѧне к Володимеру, глущє: «<...> И будєши ѿвѣтѣ имѣлѣ, кнѧже, ѡже ти монастырѣ разѣграбѣлѣ»** (6621 / 1113),

б) причастного оборота, занимающего позицию сирконстантной группы (см. 21),

в) актантной группы, выраженной формой анафорического местоимения, замещающего предикативную единицу (см. 52.2),

г) актантной группы, выраженной (распространенным) существительным, которое называет участника описываемой ситуации (68) **Володимѣръ же <...> возрѣвѣ на нѣо и рече: «<...> Мнѣ помози, Г҃и, на супротивнаго врага <...>»** (6496 / 988), (69) **Рѣша Стѣполку, тако: «(1) Се двѣдва естъ сколота. (2) То иди ты, Стѣполче, на Давыда, (3) любо ими и, любо п рожени»** (6605 / 1097).

Только в одном случае в препозитивной позиции оказывается актантная группа с неизосемичным существительным, называющим действие участника ситуации: (57) **Ѡна же <...> глѧше: «Млѣтвами твоими, влѧко, да съхранєна будѣ ѿ сѣти непригазненѣ».**

Последние примеры хорошо показывают, насколько тесно связаны просодическая структура высказывания, его актуальное членение, иллокутивные функции и употребление обращения:

- В (68) вынесение объектного актанта **мнѣ** в препозицию по отношению к предикату приводит к образованию дополнительной тактовой группы (ср. «**Мнѣ помози, Г҃и**» с (14) «**Ѡ прѣтага Бѣе, помози ми!**»), при этом связано оно с необходимостью рематизации данного компонента: в предшествующей части реплики, приведенной в (58.2), говорится о помощи «новым людям»;

- В (69.2) упоминание субъектного актанта **ты**, также создающее дополнительную тактовую группу, выглядит избыточным: в высказывании с препозитивным императивом местоимение 2 лица в той же предикативной единице не используется (см. 23, 24, 18.1, 34.1, 50, 55); при этом, если обращение следует за местоимением 2 лица, во всех случаях, кроме (69.2), глагольная форма употребляется за обращением (см. 28.4, 53, 56). Такое нарочитое, по сути «тройное» (форма глагола + местоимение + обращение), упоминание собеседника,

(71) И по крѣщении призва ю цѣрь и рече ей: (1) «Хощю тѣ понати женѣ». Она же рече: (2) «Како ма хощеши понати, а крѣстивъ ма самъ и нарекѣ ма дщерь? А въ крѣстьянѣхъ того нѣкъ закона, а ты самъ вѣси». И рече цѣрь: (3) «Переключо ма, Влга» (6463 / 955) – ответная реплика (2) княгини Ольги содержит отказ, «закрывая» отношения иллокутивного вынуждения в прескриптивном диалоге; реплика (3) представляет собой экспликатив – цесарь признает свое «поражение».

Следует обратить внимание на то, что в (71) произнесение имени собеседника в самом конце диалога порождает импликатуру: говорящий не просто констатирует факт, а выказывает свое равнодушное отношение к нему – княгиня Ольга удивила его, и он выражает свои смешанные чувства – уважение и обиду.

4. То, что употребление постпозитивных обращений порождает импликатуры, связано с оценкой формальной «избыточности» его использования в этой позиции: собеседник должен установить, опираясь на свой коммуникативный опыт, что имел в виду говорящий, обращающийся к нему в финальной стадии диалога – зачастую в постпозиции последней реплики. Можно выделить несколько **рече-поведенческих тактик**, связанных с произнесением постпозитивных обращений:

А. РПТ «борьба за внимание адресата».

(72) Сѣтополкъ же нача свирати воѣ, хотѣ на нѣ. І рѣша ему мужи смысленѣи: (1) «Не кѣшанса противу имъ, тако мало имаши вои». Он же рече имъ: (2) «Имѣю штрокъ своихъ .ї. сотъ, иже могутъ противу имъ стати». Начаша же друзии несмысленѣи молвити: (3) «Поїди, кнаже!» (6601 / 1093).

Князь Святополк выслушал совет *смысленных мужей*, и он ему не понравился; тогда в диалог «вклинились» *несмысленные мужи*, высказавшие противоположный по содержанию совет. Стараясь привлечь внимание князя к своим словам, они настоятельно «призывают» его в общение, используя обращение, как будто это самое начало диалога.

Б. РПТ «настоятельная просьба».

Данная РПТ была описана выше на примере фрагмента (29.3).

В. РПТ «солидаризация».

(73) И рече Сѣтославъ во емъ своимъ: «(1) Оуже на мъ здрѣ пасти. (2) Потягнемъ мужьскы, враѣ и дружино!» И к вечеру удолѣ Сѣтославъ (6479 / 971).

Обращаясь к воинам, князь Святополк именует их не только *дружиной*, но и *братьями*, призывая их вместе совершить ратный подвиг²².

(74) Феодоси бо обычан имаше, приходящу бо постъному времени, в недѣлю масленію, вечеръ бо, по обычаю целовавъ братю и поучивъ ихъ, како провати постъное время <...> Глшеть бо сице, тако: «<...> (1) Постомъ апли искорениша вѣсовское оучение; постомъ гавишася ѡци наши акы свѣтила в мирѣи сияють и по смѣрти, показавше труды великыя и въздържаниа, тако сеи великии Антонии, и Евѣфимии, и Сава и прочии ѡци, (2) ихже и мы поревнѣемъ, братье». Сице поучивъ братю и цѣловавъ вса по имени <...> (6582 / 1074).

Феодосий Печерский наставляет своих духовных чад, рассказывая, как следует проводить время Великого поста, и в конце своего пространного монолога обращается к ним с призывом, объединяющим их и его самого – используются формы 1 лица мн. числа (**мы и поревнѣемъ**), а выбор обращения (**братье**, а не возможное **чада**) свидетельствует о единстве говорящего и слушающих.

Следует также обратить внимание на то, что подобное строение свойственно завершающим частям **проповедей**, в которых звучит призыв к совершению совместного действия: употребление форм 1 лица мн. числа и «объединяющего» обращения маркирует этот **речевой жанр**²³. Таким образом, обращение в (74) используется также и в **жанрообразующей функции**.

Г. РПТ «оскорбление».

(75) И воевода нача Сѣтополчь, гзда възлѣ вѣрегъ, оукарати новгородци, глѣ: «(1) Что придосте с хромьцемъ симъ, (2) а вы, плотници суще? (3) Я приставимъ вы хоромъ рѣбить нашихъ» (6524 / 1016).

Прежде всего следует обратить внимание на необычность конструкции (75.2): в позиции обращения используется местоимение, отделяемое от предикативной единицы союзом А,

²² Как и в случае препозитивного и интерпозитивного употребления, коммуникант, называемый постпозитивным обращением, в большинстве случаев (9 из 12 реплик) является участником ситуации, описываемой в высказывании. При этом, как правило, обращение следует непосредственно за формой, выражающей значение 2 лица (императивы – 3 случая, см., 29.3, 70, 72; местоимения – 2 случая, см. 17, 75) или 1 лица, при этом имеется в виду, что собеседник и говорящий должны совершить совместное действие (2 случая; см., 73 и 74).

²³ Ср. с заключительными частями Слов Феодосия Печерского, в которых преимущественно используются формы 1 лица мн. числа. Наибольшее сходство при этом обнаруживается с проповедью «Въ среду 3 недѣли поста слово святаго Феодосіа на часѣх о терпѣнии и о любви»: «<...> Тѣм же, братие моя, дрѣжаше между собою любовь истинну и възпріимѣмъ благаго Бога нашего законъ чистъ и заповѣди его непорочны съблюдѣмъ, тружашеся в бдѣнии и въ молитвах, молящеся за весь миръ бесъпрѣстани, да тѣмъ получим царство небесное. О Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ» (цит. по [Еремин, 1947: 174]).

при этом за ним следует полупредикативная конструкция уточняющего характера. Возникает вопрос, насколько правомерно отнесение (75.2) к числу обращений?

В изданиях ПВЛ даются различные варианты перевода этого фрагмента: «Чего пришли с хромцем этим, вы же плотники? Мы и поставим вас хоромы рубить нам!»²⁴, «Что пришли с хромцем этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!»²⁵, «Что пришли с хромцом этим, вы, плотники? Поставим вас хоромы нам ставить!»²⁶. Колебания в переводах хорошо отражают суть проблемы: данная конструкция не представляет собой в чистом виде ни обращения, ни предикативной единицы. Однако следует заметить, что ввод существительного при помощи постпозитивного краткого причастия характерен для тех конструкций, где оно используется в качестве уточняющего приложения: (76) Мы же, крѣтъ гани суще, и²⁷ въздаемъ почѣтъя противу шного възданью (6523 / 1015). Особенное же строение конструкции связано с тем, что, употребляя такое «обращение» с уточнением, говорящий стремится дать собеседнику характеристику, в данном случае уничижительную.

Х. Использование обращений в **характеризующей функции**, обнаруженное в (75), свойственно по сути всем обращениям: выбирая то или иное слово, которым будет назван собеседник, говорящий осуществляет скрытую предикацию, сообщая, кем для него, говорящего, является его адресат. Так, в зависимости от ситуации один и тот же говорящий может по-разному называть одного и того же собеседника. Например, обращаясь к брату, князь может употребить слово «**братѣ!**» (и так происходит в подавляющем большинстве случаев; см., например, 27, 28, 29), «**братѣ мои!**» (употребление местоимения подчеркивает особо теплое, сочувственное отношение к попавшему в беду брату; см. 66) или назвать по имени (см. употребление «**Сѣтополчѣ!**» в 69). В последнем случае говорящий общается с братом, совершившим злодеяние, и обращение к нему по имени, а не именованию его *братом*, показывает негативное отношение к нему.

Следует заметить, что имена собственные в ПВЛ в качестве обращений используются достаточно редко (11 из 95 случаев – 12%), причем в более чем половине случаев произносится одно имя – Исакий (7 фрагментов). Можно отметить интересную закономерность: имя собственное произносится преимущественно тогда, когда использование нарицательного представляется неуместным. Так, в 5 случаях имя Исакий произносят бесы (см., например, 26), и сложно представить, как иначе они могли бы к нему обратиться. В одном случае Исакия зовет повар, и это та ситуация, когда реализуется

²⁴ Перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; см. [Повесть временных лет, 1950: 296].

²⁵ Перевод Д.С. Лихачева; см. [Повесть временных лет, 2007: 200].

²⁶ Перевод О.В. Творогова; см. [Повесть временных лет, 2000: 185].

²⁷ Хлебн. и Лавр.: **нѣ**.

исключительно апеллятивно-вокативная функция (см. 42). Еще один раз по имени к нему обращается святой Антоний, называя его при этом не просто *Исакий*, а *отец Исакий* (см. 70), и ему действительно нужно, чтобы *отец Исакий* понял, что обращаются к нему. В (71) цесарь называет отказавшую ему княгиню *Ольгой*, и это наиболее естественный способ номинации в такой ситуации для иноземного правителя. В (48.2) обращение *Василю*, произнесенное князем Святополком, воспроизводит сам поп Василий. Однако в двух случаях произнесение имени собственного имеет оценочный характер: помимо рассмотренного выше фрагмента (69) это реплика (34.2) «Братѣ Дѣльманѣ! Ѣже ти есмь ѡбѣщальъ, то ти буди» – Феодосий Печерский, обращаясь по имени к духовному брату, выражает особое свое к нему отношение.

В большинстве же случаев в качестве обращений используются существительные, позволяющие назвать социальные роли собеседников – *брат*, *сын*, *отец*, *князь*, *дружина*, *гость* и др. Иногда в сочетании с ними употребляются определители, и чаще всего ими оказываются местоимения *мой* и *наш*: они свидетельствуют особо теплое, сердечное отношение к адресату. В 6 из 11 случаев употребления *мой* (*наш*) адресат является духовно воспринимаемым: в трех случаях это обращение к Господу (см., например, 13а3.2) и еще в трех – к усопшим родственникам (см. 16, 22б и 40). Вообще, обращение к усопшим во всех случаях заставляет говорящего использовать особые средства, позволяющие выразить горечь утраты: определения *мой* (см. 16, 22б и 40) и *любимый* (см. 22а и 40), а также редупликацию (см. 22б).

В пяти оставшихся случаях употребления *мой* (*наш*) говорящий обращается к живущим: родственникам (2 раза к сыновьям – см., например, 5б; 1 раз к брату – см. 6б), князю (см. 25) и духовным братьям (см. 45). Наиболее показательным является последний случай: обращение Феодосия Печерского является комплексным, включающим 3 существительных, и за каждым из них обнаруживается определение *мой*.

Особое внимание следует обратить на именованье *Господа* в молитвах героев ПВЛ: помимо чаще всего произносимого обращения **Г҃и!** (9 случаев; см., например, 13а1, 13а2, 13в, 58.2, 59, 65, 68) встречаются также **Бѣ великыи, створивыи нѣбо и землю!** (см. 58.1), **Влѣко!** (см. 17), **Г҃и Бѣ!** (см. 44), **Г҃и Г҃се Х҃е!** (13б), **Г҃и, Бѣ мои!** (13а3.2), **Г҃и, Бѣ мои, Г҃съ Х҃е!** (см. (77): **Такъ во ваше бл҃жныи кнѣзь Ідрополкъ <...> молаше Бѣ всегда, г҃л҃а: «Г҃и, Бѣ мои, Г҃съ Х҃е! Прими млтвѣ мою ї дан же ми смрѣть такѣ <...>»** (6595 / 1087), **Г҃и Г҃се Х҃е, Бѣ нашъ!** (см. (78): **Федосни во обычаи имаше <...> по обычаю целовавъ братью и поучивъ ихъ <...> «<...> Да приходѣщага таковыа мысли възбранати и знамениемъ кр҃тнымъ, г҃л҃**

ще сице: "Г҃и Ісѣ Х҃е, Бѣ нашъ, помилуй насъ, аминъ". <...>» (6582 / 1074). Возможность использования разных обращений, передающих полноту восприятия Господа молящимся, с одной стороны, отражает древнерусскую церковную традицию²⁸, а с другой – в тех случаях, когда молитва включает цитату, может сохранять форму обращения, использованного в тексте-источнике (см. 13а1, 13а2, 13а3.2, 44, 58.1, 59, 78).

Наиболее показательным является использование обращения в (13б)²⁹: обращение **Г҃и Ісѣ Х҃е** распространяется пространственным определительным придаточным **иже симъ образомъ гависа на земли сп҃ниа ради нашего, изволивъи своєю волею пригвоздити р҃ци свои на кр҃тѣ, и приемъ стр҃тъ грѣхъ ради нашихъ**, к которому примыкает собственно молитвенная часть **такъ и мене сподоби приати стр҃тъ**. Подобное строение имеют обращения в различных церковных жанрах (см., например, *отпуст*³⁰ или зачин *просительной молитвы*³¹): характеризующая функция таких обращений связана с использованием зависимых от субстантива предикативных и полупредикативных конструкций – совокупное их использование отражает особую коммуникативную целеустановку говорящего, который, с одной стороны, свидетельствует истинность произносимого, а с другой – создает тот содержательный «фундамент», на основе которого он будет строить свое последующее высказывание.

XI. Особую коммуникативную цель преследует и князь Ярослав, произносящий в качестве отдельной реплики обращение (22а) «(1) О любимая дружино, (2) юже избихъ вчера, (3) а нынѣ быша надобѣ...». Данное высказывание представляет собой распространенное обращение, и оценка релевантности произносимого (князь вспоминает о содеянном, узнав о

²⁸ Например, в молитвах святителя Кирилла Туровского, написанных в XII веке, используются обращения *Владыко Господи всеа видимыа и невидимыа тври съдѣтелю, Господи, Господи мои Господи, Господи Иисусе Христе, Господи Боже мои, Господи Иисусе Христе Сыне Божеи Преплагіи Господи, Владыко, Владыко мои Иисусе Христе* и другие (см. [Рогачевская, 1999: 91, 92, 93, 96, 104]).

²⁹ Такое же строение имеет обращение в (58.1).

³⁰ См. подробнее [Савельев, 2017: 17].

³¹ См., например, молитвы святителя Кирилла Туровского: *Боже всемогъи безначальныи Господи. высокии и славный Царю. владѣя всею тварію видѣмою. съдѣи на херовимѣхъ. поемыи отъ Сѣрафимъ молимъ отъ Ангель. и отъ всѣхъ небесныхъ силъ покланяемъ Тобѣ служатъ горіи чинове тысящами <...>* («Молитва въ неделю по часахъ святаго Кирилла»; цит. по [Рогачевская, 1999: 95]), *Владыко Господи всеа видимыа и невидимыа тври съдѣтелю. Боже силъ вѣкомъ творче сътворивыи времена и лѣта измѣривыи день и ноць часами. разлучивыи свѣтъ отъ тмы. и видивъ свѣтъ яко добро бысть вечеръ его же и мене смиреннаго сподобить еси достигнути и до послѣдняго часа дне сего. вѣнже вечернюю службу всылаю Ти. исправи молитву мою яко кадило предъ Тобою <...>* («Въ понедѣльникъ вечеръ молитва преподобнаго Кирилла»; цит. по [Рогачевская, 1999: 104]), *Господи Христе Боже нашъ иже нашего ради спасенія отъ безначальнаго Ти Отца пришедъ отъ вышняго круга горняго небеси въ нижняя страны земля Богъ сынъ не премѣненъ въ наше естество оболкъся и весь бысть человекъ за многое и неисповѣдимое Твое милосердіе да даное Ти достояніе языки къ себе приведиши иземъ отъ стараго врага мучителя діавола ему же поработихомся грѣхомъ часть Твоя суци и жребіи вожделенныи о нихъ же реченныи овца имамъ и нынѣ не попусти Господи сконцати ми ся въ грѣсѣхъ <...>* («Въ четвергъ по вечерній молитва преподобнаго Кирилла»; цит. по [Рогачевская, 1999: 127]).

смерти отца, убийстве Бориса и Глеба и вероломстве Святополка, и при этом произносит свою фразу в присутствии уцелевших после вчерашнего побоища новгородцев, поддержкой которых ему необходимо заручиться) в соотнесении с выбранной формой высказывания (обращение как структурная «вершина» конструкции, употребление эмотивного междометия «О!», эпитета «любимая», содержательно противопоставляемого 22а.2, равно как и содержательное противопоставление 22а.2 и 22а.3) позволяет установить иллокутивную функцию высказывания «сетование» – князь сожалеет о содеянном, признает свою ошибку в присутствии тех, перед кем он виноват. Таким образом, обращение употребляется как коммуникативная форма, позволяющая выразить **иллокутивную функцию** высказывания, конструктивную основу которого оно составляет.

Выводы

Подводя итоги исследования употребления обращений в прямой речи героев ПВЛ, скажем следующее.

1. К числу **факторов**, определяющих необходимость использования обращений в речи героев ПВЛ, относятся следующие:

- а) ситуация общения (контактная vs. дистантная коммуникация),
- б) тип адресата (сенсорно vs. духовно воспринимаемый, персонифицированный vs. неперсонифицированный),
- в) социальные роли (равенство vs. неравенство в отношениях между коммуникантами),
- г) место, занимаемое репликой в диалоге (инициальная vs. реактивная),
- д) структура коммуникативного события (состоит из одного vs. нескольких коммуникативных эпизодов),
- е) место, занимаемое речевым шагом в реплике (первый vs. не первый),
- ё) место, занимаемое обращением по отношению к речевому шагу (препозиция vs. интерпозиция vs. постпозиция),
- ж) особенности субъектной перспективы высказывания (персонализованность vs. неперсонализованность),
- з) особенности просодической структуры высказывания (наличие тактовой группы, находящейся в начале речевого шага и способной к рематизации).

2. К числу **функций** летописных обращений относятся следующие³²:

³² Учитывая существующее разнообразие терминологии при определении функций языковых единиц (см., например, обзор, данный в [Демьянков, 2000]), мы указываем в скобках, к чему сводится использование обращения в каждой из перечисляемых функций.

а) апеллятивно-вокативная (чаще всего при использовании в препозиции по отношению к первым речевым шагам инициальных реплик для привлечения внимания собеседника и «вовлечения» его в диалог),

б) псевдоапеллятивно-вокативная (использование обращения в реактивной реплике маркирует переход к новому коммуникативному эпизоду: говорящий произносит реактивную реплику, похожую на инициальную, «имитируя» начало диалога),

в) номинативная (уточнение субъектной перспективы высказывания при назывании адресата),

г) характеризующая (использование обращения в качестве единицы, содержащей скрытую предикацию),

д) фокусирующая (усиление фокуса внимания при произнесении важного сообщения),

е) межличностная (установление социальных отношений между коммуникантами, поддержание социальных отношений в процессе коммуникации),

ё) сегментирующая (средство сегментации речи на разных уровнях ее организации: просодическом, формально-синтаксическом и коммуникативном, в т.ч. при организации актуального членения высказывания и сегментации диалога – деление на речевые шаги, речевые ходы и коммуникативные эпизоды),

ж) иллокутивная (уточнение при помощи обращения иллокутивной функции высказывания или использование обращения в качестве высказывания с определенной иллокутивной функцией),

з) дискурсивная (использование обращения как одного из средств оформления определенной рече-поведенческой тактики),

и) жанрообразующая (использование обращения как одного из средств, маркирующих речевой жанр – молитву, проповедь).

Таким образом, как мы видим, обращению свойственны как структурные, так и тесно связанные друг с другом семантические, прагматические и стилистические функции³³.

3. На актуализацию тех или иных функций обращения оказывает влияние «контекст» – совокупность семантических, прагматических и синтаксических условий его употребления. Так, наиболее функционально нагружены обращения, используемые в интерпозиции речевых шагов, входящих в неинициальные реплики, при общении с сенсорно воспринимаемым адресатом: например, обращение в (27.3) а) является показателем межличностных отношений, б) маркирует переход к новому речевому ходу, в) используется как средство актуального членения (находится между двумя ремами), г) указывает границу двух ПЕ; обращение в (27.5) а) является показателем межличностных отношений, б)

³³ О данных типах функций см. [Бондарко, 1987: 8, 9].

маркирует переход к новому КЭ, в) используется как средство актуального членения в высказывании с суперпозицией ремы, г) указывает границу между актантами группой и сказуемым, д) выделяет первую тактовую группу; обращение в (32.2.2) а) является показателем межличностных отношений, б) маркирует переход к новому речевому ходу, в) используется как средство актуального членения в высказывании с суперпозицией ремы, г) указывает границу между обстоятельством и сказуемым, д) наряду с другими средствами помогает реализовать РПТ «солидаризация с адресатом».

Таким образом, **обращение является языковой единицей, которой**, как и другим языковым единицам³⁴, **свойственна полифункциональность**: произнося обращение, говорящий может использовать его одновременно в нескольких функциях – именно к такому выводу приводит анализ употребления обращений в прямой речи героев ПВЛ.

Список литературы

- Бондарко А.В.* Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1987. С. 5-39.
- Демьянков В.З.* Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. М., 2000. С. 26-136.
- Еремин И.П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Труды Отдела древнерусской литературы. 1947. Т. V. С. 159-184.
- Зализняк А.А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. Подготовка текста Д.С. Лихачева. Перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950.
- Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. XI – XII века. СПб., 2000.
- Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. 3-е издание. СПб., 2007.
- Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Том второй. Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб., 1908.

³⁴ См. [Савельев, 2016].

Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археографической комиссией Академии наук СССР. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Издание второе. Л., 1926.

Рогачевская Е.Б. Цикл молитв Кирилла Туровского. Тексты и исследования. М., 1999.

Савельев В.С. Древнерусские иллокутивно полифункциональные высказывания: сообщения о бывшем, настоящем и будущем (на материале «Повести временных лет») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 2.

Савельев В.С. Молитва в «Повести временных лет» (статья 1) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка, том 76, № 6. М., 2017.

Савельев В.С. Функции обращений в прямой речи героев «Повести временных лет» (статья 1) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 1. С. 43-73.

Северьянов С. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Пг., 1922.

Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002.

Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники. Текст ст. подгот. М.Д. Приселков // Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Труды Отдела древнерусской литературы. 1940. Т. IV. С. 9-150.

Сведения об авторе: *Савельев Виктор Сергеевич*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: alfertinbox@mail.ru

V.S. Savelyev

THE FUNCTIONS OF ADDRESSES IN THE DIRECT SPEECH OF THE HEROES OF "THE TALE OF BYGONE YEARS" (ARTICLE2)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article is devoted to features of functioning of addresses in oral utterances of characters in *The Tale of Bygone Years*, associated with their prepositional, interpositive and postpositive use. We examine various functions of addresses: appellative-vocative, pseudo-appeal-vocative, nominative, characterizing, focusing, interpersonal, segmenting (a means of segmentation of speech on the prosodic, formal-syntactic and communicative levels of its organization), illocutive, discursive, genre-forming. We determine that the Old Russian addresses are characterized by polyfunctionality – the possibility of simultaneous use in different functions.

Keywords: *The Tale of Bygone Years*, functions of language units, address.

About the author: *Victor S. Savelyev* – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Lomonosov Moscow State University (e-mail: alfertinbox@mail.ru).

REFERENCES

- Bondarko A.V. Vvedenie. Osnovaniya funkcional'noj grammatiki [Introduction. The foundations of functional grammar]. *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis]. Leningrad, Izdatel'stvo "Nauka", 1987. pp. 5-39. (In Russ.).
- Dem'yankov V.3. Funkcionalizm v zarubezhnoj lingvistike konca XX veka [Functionalism in foreign linguistics at the end of the 20th century]. *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': Funkcional'nye i strukturnye aspekty* [Discourse, speech, speech activity. Functional and structural aspects]. Moscow, INION RAN Publ., 2000. pp. 26-136. (In Russ.).
- Eremin I.P. Literaturnoe nasledie Feodosiya Pecherskogo [Literary heritage of Theodosius of Pechersky]. *Akademiya nauk SSSR. Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom). Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Proceedings of the Department of Old Russian Literature], 1947, T. V. pp. 159-184. (In Russ.).
- Zaliznyak A.A. *Drevnerusskie ehniklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2008. 280 p. (In Russ.).
- Povest' vremennyh let. Chast' pervaya. Tekst i perevod. Podgotovka teksta D.S. Lihacheva. Perevod D.S. Lihacheva i B.A. Romanova. Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc [The Tale of Bygone Years. Part one. Text and translation. Preparation of the text by D.S. Likhachev. Translation by D.S. Likhachev and B.A. Romanov. Edited by V.P. Adrianova-Peretz]. Moscow-Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1950. 405 p. (In Russ.).
- Povest' vremennyh let. Podgotovka teksta, perevod i kommentarii O.V. Tvorogova [The Tale of Bygone Years. Preparation of the text, translation and comments by O.V. Tvorogov]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. I: XI–XII veka* [Library of the Ancient Rus literature. T. I: XI-XII centuries]. St. Petersburg, "Nauka" Publ., 2000. pp. 62-315, 487-524. (In Russ.).
- Povest' vremennyh let. Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihacheva. Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc [The Tale of Bygone Years. Preparation of the text, translation, articles and comments by D.S. Likhachev. Edited by V.P. Adrianova-Peretz]. St. Petersburg, "Nauka" Publ., 2007. 669 p. (In Russ.).

- Polnoe sobranie russkih letopisej, izdannoe po Vysochajshemu poveleniyu Imperatorskoyu Arheograficheskoyu Komissieyu. T. 2: Ipat'evskaya letopis' [A complete collection of Russian chronicles, published under the Highest Command of the Imperial Archaeographic Commission. T. 2: Ipatiev Chronicle]. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1908. 638 p. (In Russ.).
- Polnoe sobranie russkih letopisej, izdavaemoe postoyannoyu Istoriko-arheograficheskoy komissieyu Akademii nauk SSSR. Tom pervyj. Lavrent'evskaya letopis'. Vyp. 1: Povesť vremennyh let [A complete collection of Russian chronicles, published by the Historical and Archaeographic Commission of the USSR Academy of Sciences. Volume one. The Laurentian Chronicle. Issue. 1: The Tale of Bygone Years]. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1926. 286 p. (In Russ.).
- Rogachevskaya E.B. *Cikl molitv Kirilla Turovskogo. Teksty i issledovaniya* [Cycle of prayers of Cyril of Turov. Texts and research]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. 280 p. (In Russ.).
- Savel'ev V.S. Drevnerusskie illokutivno polifunkcional'nye vyskazyvaniya: soobshcheniya o byvshem, nastoyashchem i budushchem (na materiale «Povesti vremennyh let») [Old Russian illocutive polyfunctional utterances: reports about the former, present and future (on the material of "The Tale of Bygone Years")]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2016, № 2. pp. 79-105. (In Russ.).
- Savel'ev V.S. Molitva v «Povesti vremennyh let» (stat'ya 1) [Prayer in "The Tale of Bygone Years" (article 1)]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Izvestiya, Literature and Language Series], 2017, T. 76, № 6. pp. 16-24. (In Russ.).
- Savel'ev V.S. Funkcii obrashchenij v pryamoj rechi geroev «Povesti vremennyh let» (stat'ya 1) [The functions of addresses in the direct speech of the heroes of "The Tale of Bygone Years" (article 1)]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2018, № 1. pp. 43-73. (In Russ.).
- Sever'yanov S. *Sinajskaya psaltyr'. Glagolicheskij pamyatnik XI v.* [The Sinai Psalter. Glagolitical monument of the XI century]. Petrograd, 1922. 214 p. (In Russ.).
- Formanovskaya N.I. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskij podhod* [Speech communication: communicative and pragmatic approach]. Moscow, Izdatel'stvo "Russkij yazyk", 2002. 216 p. (In Russ.).
- Shahmatov A.A. «Povesť vremennyh let» i ee istochniki. Tekst st. podgot. M.D. Priselkov ["The Tale of Bygone Years" and its sources. The text of the article was prepared by M.D. Priselkov]. *Akademiya nauk SSSR. Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom). Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Proceedings of the Department of Old Russian Literature], 1940, T. IV. pp. 9-150. (In Russ.).

